

Многие десятилетия я читал его статьи и книги. Не всегда соглашался с оценками и выводами критика, но никогда не мог его упрекнуть в несамостоятельности, ангажированности суждений.

Раз, я даже заочно поспорил с ним, послав письмо в «Литературную газету» после прочтения книги Льва Аннинского «Михаил Луконин». Дело в том, что перед этим я прочитал книгу литературных заметок и отрывочных воспоминаний «Товарищ Поэзия» самого Михаила Кузьмича, и потому не согласился с некоторыми выводами критика касательно его творчества, да и прямо указал на ряд фактических ошибок, касающихся биографии поэта. Лев Александрович ответил мне вот таким письмом. (Оно сохранилось в моём архиве, и теперь я его отыскал. Разрядка некоторых слов в тексте сделана самим Аннинским.)

Уважаемый Валерий Викторович!

Спасибо Вам за внимательное письмо. У меня действительно ошибка: книга М. Луконина «Товарищ Поэзия» издана не в 1964, а в 1963 году. Если будет переиздание, исправлю, конечно.

Насчет «трудной судьбы» луконинских поэм — вопрос более сложный. Мне уже приходилось спорить по этому вопросу и с читателями, и с критиками. Я считаю, что у Луконина, в общем, была счастливая издательская судьба. По его в н у т р е н н и м самоощущениям она была нелегкая. Но внутреннее самоощущение автора — лишь один из факторов ситуации, важнейший, но не единственный. Я беру все (стараясь взять в расчет). «Рабочий день» гулял по редакциям за считанные месяцы до Сталинской премии. Выжидали — да. Сомневались редактора. Прикидывали. Но ведь с н е с к о л ь к и м и журналами шли переговоры. И Твардовский п е р е х в а т и л «Дорогу к миру» у Кожевникова. Луконин первым из военных поэтов вышел на «оперативный простор». Хотя у него на всю жизнь осталось ощущение, как он п р о р ы в а е т с я.

Насчет доверия к автору. Я Вам скажу, как я сам читаю. Фактам, сообщаемым автором, никогда слепо не верю. Факты добываются на пересечении версий, и я всегда перепроверяю по всем возможным источникам. И то, как видите, ошибаюсь. Я всегда верю — авторской в е р с и и. Даже если это иллюзия или ложь — это реальность души, впавшей в иллюзию, и реальность ситуации, в которой человек лжет. Факты можно уточнить. С версией приходится считаться.

Еще раз спасибо Вам! 6 февраля 1986 г.

Искренне — Л. Аннинский.

Я не могу вспомнить, чтобы во времена разгула «демократии» в конце 80-х — 90-тые годы XX века Аннинский присоединял свой голос к яростному ненавистническому антисоветскому и русофобскому хору,

заполнившему тогда большинство СМИ. Особенно «этой болезнью» были подвержены те литературные издания («Литературная газета», журналы «Дружба народов», «Знамя», «Юность», «Новый мир»), с которыми Лев Александрович был тесно связан своей творческой работой.

Не стану утверждать категорично, что нечто подобное критик вообще ни в каком виде и никогда не писал и не произносил. Допускаю, что что-то могло и быть (если исходить из того, к какому «литературному кругу» он принадлежал), но я сам ничего подходящего под это определение сейчас вспомнить не могу. А вот другое его высказывание помнится: «Россия для меня моя Родина, моя система убеждений и идеалов».

Хотя, ведь тогда многие искали иные, противоположные «советским», идеалы.

В той же «Юности» в конце 1989 года было напечатано такое стихотворение Глеба Горбовского (приведу его в сокращении):

*Над нами заря небывалого цвета,
в просроченных красках — остывший мятеж.
Сегодня не время великих поэтов,
а время великих утрат и надежд.*

.....
.....

*Налево дорога, направо дорога, —
два прежних, на выбор перед нами пути.
А ты, обижаясь на дьявола с богом,
без них собирался до смысла дойти.*

Как же точно оно передаёт состояние нашего общества в те жуткие для страны годы. Теперь-то уж, не кривя душой, мы можем однозначно сказать — жуткие! Не было тогда с нами великих поэтов. Утраты были огромны, а надежды так и остались несбывшимися. Ну, а об обидах и желании дойти до сути без Бога — это вечное искушение для всего человеческого рода.

Кроме того Аннинского, в национальном плане, мучила неразрешимая проблема, которую он как-то стремился примирить в себе. Утверждая (в одной из телевизионных передач), что в нём «нет ни капли русской крови», в то же время он ясно осознавал: «...другой страны для меня нет, другой национальной культуры нет, языка другого нет... Я русский по убеждению. Другой страны для меня нет».

Русской крови в нём нет потому, что отец его был казак, а мать еврейка, бежавшая из Киева от погромов, в которых погибла её мать.

«Великое искусство рождается от великих страданий. Я своему народу страдания не желаю, но я понимаю, что вся великая русская культура родилась из страдания народа, который стал русским, сложившись из двенадцати племён».

Это успел сказать Лев Александрович Аннинский в передаче «Линия жизни» на телевизионном канале «Культура».

С этим и ушёл в мир иной.

*Нижний Новгород
Ноябрь 2019 г.*